

Яковлева М.А. К вопросу о передаче в переводе негритянского диалекта как этносоциального диалекта / М.А. Яковлева // Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов. № 36 (51). - М.: МГИМО-Университет, 2009. - С. 100-108.

М.А. Яковлева

К вопросу о передаче в переводе негритянского диалекта как этносоциального диалекта

Во многих переводоведческих работах рассматривались особенности передачи таких социальных диалектов, как профессиональные диалекты, жаргоны (арго), сленг. Несмотря на это, практически никто не рассматривал чрезвычайно сложную проблему передачи негритянского диалекта (весьма распространенной формы существования английского языка), который многие лингвисты также относят к социальным диалектам. На наш взгляд, он представляет собой очень яркий пример не столько социального, сколько этносоциального диалекта, так как реализуется через единицы всех уровней, а не только через лексико-фразеологические единицы, что обычно свойственно социальным диалектам (в отличие от территориальных). Чем больше языковых уровней задействуются в анализе, тем полнее возможно описать проблему передачи социальных диалектов. Негритянский диалект является одним из наиболее частотных социальных диалектов, встречающихся в англоязычной художественной литературе, поэтому его анализ важен и показателен.

Существуют разные мнения относительно того, к какой разновидности языка относится негритянский диалект. Очевидно, что его нельзя назвать территориальным диалектом (ведь чернокожие проживают на всей территории США), но и к социальным диалектам, если пользоваться классификацией М. М. Маковского, отнести его также нельзя: это не профессиональный диалект, не жаргон (арго) (ведь негров вряд ли можно назвать отдельной социальной группой), не сленг. Все же существует мнение, что к социальным диалектам относятся «также варианты общенародного языка, характерные для определенных экономических, кастовых, религиозных и т. п. групп населения» (1, 133).

О социальной негритянского диалекта пишет А. Д. Швейцер: «Так, социальная и географическая мобильность населения существенно видоизменяют классическую структуру территориальных диалектов, приводя к их «социализации», т. е. к превращению их в социально-территориальные диалекты определенных социальных и социодемографических групп сельского населения. Такая ситуация характерна, в частности, для Англии и Соединенных Штатов. [...] В прошлом один из территориальных диалектов южных штатов, диалект американских негров (Black English) в результате массовой миграции негритянского населения на север и запад страны, а также его урбанизации [...] стал диалектом этносоциальным, лишенным локальной маркированности.» (2, 23).

Мы разделяем мнение А. Д. Швейцера, что негритянская речь – не социальный диалект в чистом виде, и скорее говорим об этносоциальном диалекте. Негритянское население – это достаточно изолированная группа, представляющая своего рода субкультуру, язык которой, безусловно, отличается от стандартного английского языка. «Существование [таких] языковых различий естественно и понятно и в историческом, и в социальном, и в лингвистическом контексте. [...] И когда группа изолируется и не допускается куда бы то ни было, она живет и развивается по-другому, что приводит и к увеличению языковых различий» (3, 104).

Можно говорить и о схожести негритянского диалекта с другой разновидностью социальных диалектов, а именно – арго, как его понимает В. Д. Бондалетов (условный язык), если рассматривать его как некий тайный язык. «Концепция «двойных смыслов» как одного из краеугольных камней культурного дискурса черных американцев сейчас весьма распространена в кругах афроамериканистов. Собственно говоря, само существование в

среде американских негров двух систем коммуникации – для «внутреннего» и для «внешнего» употребления – давно известное явление. [...] Своего рода вербальным эквивалентом маски становится негритянский диалект – переход к нему от нормативной речи и обратно, т. е. «сознательное переключение лингвистических кодов», вполне сравним с процессом надевания и снятия маски. Применение особых приемов «шифровки» можно в этом контексте рассматривать как «лингвистический процесс выживания» (4).

О двух системах коммуникации пишет и Дж. Смитерман: «на черном английском говорят афроамериканцы всего классового спектра; чернокожие представители среднего класса развили навыки смены кода (то есть перехода с черного на белый английский), в то время как чернокожие трудящиеся и нетрудящиеся классы обычно этим навыком не владеют» (5, 72).

Существуют и крайне резкие высказывания, касающиеся негритянского диалекта. Иногда его даже называют «ужасным диалектом английского языка», «языком-мутантом», «сленгом дна», «жаргоном беднейших районов Америки», «диалектом отбросов, жаргоном уличных бандитов, видом пиджин инглиш, свидетельствующем о несостоятельности афроамериканцев» (6, 118). Люди, придерживающиеся подобных взглядов, не обращают внимания на мнение лингвистов, настаивающих на том, что негритянский диалект «на самом деле чрезвычайно системен (а отсутствие четких правил орфографии неудивительно в такой разновидности языка, которая редко отображается на письме)» (там же: 119). (Заметим, что во всех этих резких замечаниях существует сходство: негритянский диалект понимается как социолект. Об этом свидетельствует то, что он называется жаргоном или сленгом, которые являются разновидностями социальных диалектов.)

В то же время с такой точкой зрения согласны не все: существует мнение, что в языке действует «принцип лингвистической неполноценности, согласно которому речь социально подчиненной группы всегда будет считаться не отвечающей требованиям стандарта по сравнению с речью социально доминирующей группы» (3, 104).

Афроамериканцы, будучи одной из основных этнических групп страны, выступают персонажами многих произведений американской художественной литературы.

Очевидно, что негритянская речь – это речь сниженная, кардинальным образом отличающаяся от стандартного, кодифицированного языка, в связи с чем оптимальным способом ее передачи в переводе нам представляется компенсация неизбежных переводческих потерь за счет использования разговорной речи и просторечия, особенно когда речь идет о переводе художественных произведений, действие которых разворачивается в XIX веке, когда негритянское население только получило свободу от рабства. Понятно, что уровень образования и культуры был у него крайне низким, и это, конечно, нашло свое отражение в языке.

Представляется интересным рассмотреть, как три разных переводчика, переводя три разных произведения, решали проблему передачи негритянской речи, при этом переводили они все одного автора, а именно О. Генри.

В качестве источника для анализа мы взяли оригиналы и переводы трех рассказов О. Генри: *Jeff Peters as a Personal Magnet* («Джефф Питерс как персональный магнит» в пер. К. Чуковского), *A Municipal Report* («Муниципальный отчет» в пер. И. Кашкина) и *Thimble, Thimble* («Игра в наперстки» в пер. С. Лихачевой). Полагаем целесообразным дать краткое описание основных особенностей негритянской речи, которые автор отразил в своих произведениях.

Основное наблюдение, которое можно сделать, прочитав рассказы на языке оригинала, – это то, что основные отклонения от нормы встречаются на **фонологическом уровне**.

а) В первую очередь, речь идет о редукации звуков. Графически это происходит следующим образом: редуцируемая буква заменяется апострофом: *comin'* (*coming*),

demandin' (demanding), 'scuse (excuse), gen'lemen (gentlemen), jes/jus' (just), lef' (left), mawnin' (morning), nothin' (nothing), sayin' (saying), tryin' (trying), Vi'ginia (Virginia) и др.;

б) звук [ð] заменяется звуком [d]: *dat (that), de (the), dis (this)*;

в) звук [o:] заменяется звуком [o]: *mo' (more), No'th (North), po' (poor), reso'ces (resources)*.

Встречаются и единичные случаи фонетических отклонений от нормы: *ax (ask), gwine (going), marse/marster (master), obleeged (obliged), puffedckly (perfectly), suh (sir)* и др.

На **лексико-фразеологическом уровне** в тексте оригинала встречается много слов, которые, например словарь Collins (Collins, 2006), дает с пометой *informal* (т. е. эти слова можно рассматривать как сниженные): *ain't, howdy, ma, Missus* и др.

Встречается очень много отклонений от нормы на **морфологическом уровне**, отклонений на синтаксическом уровне не наблюдается:

1) употребление неверных форм неправильных глаголов в прошедшем времени: *you've growed,*

I knowed you;

2) неверное, с точки зрения стандарта, употребление форм глагола *to be* (как в настоящем, так и в прошедшем времени):

[...] you was [...]

[...] Massa Banks am powerful bad off [...]

[...] you is de gen'l'man [...];

3) неверное, с точки зрения стандарта, употребление единственного числа глаголов с существительными во множественном числе:

The other gen'lemen resembles you mightily [...]

[...] few folks ever has business out there [...]

You gen'lemen is tryin' to have fun [...]

The seats is clean [...];

4) неверное, с точки зрения стандарта, употребления глагола в 1 лице единственного числа: *I needs, I knows, I has, I sees* и т. д.

Все три переводчика по-разному подошли к решению проблемы передачи негритянской речи. Так, К. Чуковский, ориентируясь на русскую литературную традицию, в своем переводе рассказа «Джефф Питерс как персональный магнит» пошел по следующему пути: он искажил речь персонажа с **грамматической** точки зрения, т. е. сделал ее аграмматичной, например, из существительного мужского рода сделал существительное женского рода и согласовал его с глаголом прошедшего времени женского рода:

"Boss," says he. "Doc Hoskins am done gone twenty miles in the country [...], and Massa Banks am powerful bad off [...]" (7, p. 89) – Ах, господин, – говорит дядя Том, – доктора Хоскинса уехала из города за двадцать миль [...], а судья Бэнкса очень плоха [...]. (8, с. 167)

Итак, К. Чуковский пошел по пути изображения негритянской речи речью безграмотной (с точки зрения стандарта), как было сказано выше – аграмматичной. Тем не менее, нам представляется, что это не самый лучший способ перевода, так как аграмматичная речь в русском языке свойственна людям, речь которых не соответствует общепринятой литературной норме и несмотря на то, что негритянская речь – тоже не литературная норма, в случае с афроамериканцами мы говорим не о людях, чья речь далека от стандарта, а о людях с неким языком, в котором (как и в территориальных диалектах) есть свои нормы. Все же если точно обозначить тот метод компенсации, который использовал К. Чуковский, то можно говорить о контактной горизонтальной компенсации. Под контактной горизонтальной компенсацией мы понимаем такую компенсацию, когда элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при

переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами того же уровня (т. е. фонетика передается фонетикой (на письме это делается графически), лексика – лексикой и т. д.) и в том же самом месте текста ПЯ, что и в тексте ИЯ.

И. Кашкин пошел по другому пути: **на фонологическом уровне** он заменил слово «сэр» на «сар», а также попытался компенсировать потери при переводе на **уровне синтаксиса** (правда, лишь в одном месте), разбив чрезвычайно длинное предложение в тексте оригинала на короткие предложения в переводе (короткие предложения более свойственны русской разговорной речи):

"Boss," he said, "fifty cents is right; but I needs two dollars, suh; I'm obleeged to have two dollars. I ain't demandin' it now, suh; after I knows whar you's from; I'm jus sayin' that I has to have two dollars to-night and business is mighty po'." (9, 244) – Сар, – сказал он, – пятьдесят центов правильная плата, только мне нужно два доллара, обязательно нужно два доллара. Не то чтобы я требовал их с вас, сар, раз уж я знаю, что мы с вами с Юга. А только я так говорю, что мне обязательно надо два доллара... А седоков нынче мало. (10, 98)

В данном переводе встречаются также единичные вкрапления отклонений от нормы на **лексико-фразеологическом уровне**: *нынче, уж*.

Итак, И. Кашкин практически никак не компенсирует потери при передаче негритянской речи, за исключением компенсации на фонологическом уровне и единичного применения приема компенсации на уровне синтаксиса. В первом случае, как и в случае с переводом К. Чуковского, речь идет о контактной горизонтальной компенсации. Что касается компенсации на уровне синтаксиса, то это уже контактная вертикальная компенсация. Под контактной вертикальной компенсацией мы понимаем такую компенсацию, когда элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами другого уровня (т. е. лексика передается синтаксисом, фонетика – лексикой, синтаксис – лексикой и т. д.) и в том же самом месте текста ПЯ, что и в тексте ИЯ.

Что касается перевода С. Лихачевой, то диапазон способов применения приема компенсации ею шире, чем у К. Чуковского и И. Кашкина. Переводчица, пытаясь задействовать практически все языковые уровни: фонологический, лексико-фразеологический и синтаксический, преимущественно использует прием контактной вертикальной компенсации.

На **фонологическом уровне** переводчица образовала намеренно искаженные слова: *жентмуны, миссус, здрасть* (*здравствуйте*).

На **лексико-фразеологическом уровне** текст перевода изобилует разговорными и просторечными словами: *малец, итука* (в значении *выходка, проделка, трюк, фокус, хитрость, уловка*), *надувать* (в значении *обманывать*), *наказать* (в значении *дать наставление*), *потешиться, сдаваться* (в значении *думать, казаться*), *смекать, черкнуть, куда как* (в значении *очень*), *один-одинешенек, вот, дескать, небось, ж* (вместо *ж*), *уж, кабы*. (Значения приводятся по словарю Т. Ф. Ефремовой (Т. Ф. Ефремова, 2005); в этом словаре все данные слова имеют помету *разг.*)

Кроме того, переводчица использовала слова с уменьшительными суффиксами: *годочки, тучочки*.

На **уровне синтаксиса** переводчица пытается компенсировать потери при переводе путем употребления восклицательных предложений там, где в оригинале предложения повествовательные.

"You gen'lemen is tryin' to have fun with the po' old nigger. But you can't fool old Jake." (11, 375) – Вы, жентмуны, надумали потешиться над бедным старым ниггером! Да только старого Джейка не проведешь! (12, 598)

Больше на уровне синтаксиса прием компенсации не применяется: например, переводчица сохраняет то же членение предложений, что и в оригинале, хотя для разговорной речи, которую она пытается сымитировать, более характерны короткие предложения. Например:

"You was a po' skimpy little boy no mo' than about fo-teen when you lef' home to come No'th; but I knowed you the minute I sot eyes on you." (11, 375) – *Тоцим мальцом вы были, четырнадцати годочков от роду, когда покинули дом родной и укатили на Север; да только я вас признал, вот как только увидел.* (12, 598-599)

"The other gen'lemen resembles you mightily, suh; but you can't fool old Jake on a member of the Old Vi'ginia family."(11, 375) – *Второй джентльмен на вас куда как похож, сэр, да только старого Джейка не надуешь, жентмуна из старого виргинского семейства он ни с кем не спутает.* (12, 599)

Несмотря на то, что С. Лихачева применяет прием компенсации гораздо шире, чем два других переводчика, используя преимущественно компенсацию вертикальную (и преимущественно контактную), все-таки ее перевод не передает всех особенностей негритянской речи и речь персонажа-афроамериканца кажется неестественной, а иногда и нелогичной. Так, например, непонятно, почему Джейк говорит нормативное «джентльмен» и в этом же предложении искаженное «жентмун». Также в тексте перевода встречаются разностилевые элементы. Например, рядом с книжным «семейство» встречается архаично-просторечное «куда как похожа», рядом с архаичным «потешиться» – современное «ниггер». Это разрушает органичность речи персонажа.

Очень важным, по нашему мнению, является то, что при передаче этносоциальных диалектов, в том числе негритянского диалекта английского языка, компенсация осуществляется, как и в случае с территориальными диалектами, в основном на лексико-фразеологическом уровне, однако, очевидно, что чем качественнее перевод, тем больше в нем задействованы единицы других уровней. Об этом свидетельствуют и отрывки все приведенных выше переводов: чем богаче палитра способов применения метода компенсации, тем более полно в тексте перевода достигается коммуникативный эффект оригинала, т. е. компенсация приобретает целостный, тотальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
2. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
3. Wolfram W. Black Children are Verbally Deprived//Language Myths. – Lnd.: Penguin Books, 1998. – p. 103-112.
4. Высоцкая Н. А. Деятельность афро-американских драматургов в рамках федеральных театров: социальный протест или игра «двойных смыслов»? – http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf3/19_visoc.htm
5. Smitherman G. A New Way of Talkin?: Language, Social Change and Political Theory//Exploitation and Exclusion: Race and Class in Contemporary US Society. – Lnd., Melbourne, Munich, N.Y.: Hans Zell Publishers, 1991. – p.66-83.
6. Nunberg G. The Way We Talk Now. – Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 2001. – 244 p.
7. O. Henry. Jeff Peters as a Personal Magnet//O. Henry. Selected Stories. – М.: Progress Publishers, 1977. – p. 87-94.
8. О. Генри. Джефф Питерс как персональный магнит/пер. К. Чуковского//О. Генри. Полное собрание рассказов: В 3 т. – Т. 2. – Екатеринбург: «У-фактория», 2006. – с. 165-172.

9. O. Henry. A Municipal Report//O. Henry. Selected stories. – M.: Progress Publishers, 1977. – p. 236-252.
10. О. Генри. Муниципальный отчет/пер. И. Кашкина//О. Генри. Полное собрание рассказов: В 3 т. – Т. 3. – Екатеринбург: «У-фактория», 2006. – с. 89-106.
11. O. Henry. Thimble, Thimble//O. Henry. 100 Selected Stories. – Herefordshire: Wordsworth Editions Ltd., 1995. – p. 370-379.
12. О. Генри. Игра в наперстки/пер. С. Лихачевой//О. Генри. Полное собрание рассказов: В 3 т. – Т. 2. – Екатеринбург: «У-фактория», 2006. – с. 590-604.